

УДК 327.57

DOI: 10.21209/2227-9245-2022-28-7-69-77

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ И В СТРАНАХ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

TRANSNATIONAL CRIME IN THE RUSSIAN FAR EAST AND NORTHEAST ASIA IN THE CONTEXT OF REGIONAL AND NATIONAL SECURITY

Е. В. Гамерман, Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН,
г. Благовещенск
egamerman@mail.ru

E. Gamerman, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia,
Blagoveshchensk

Данная статья посвящена проблеме малоизученной и чрезвычайно актуальной. Объект исследования – деятельность транснациональных преступных групп в странах Северо-Восточной Азии и на территории Российского Дальнего Востока. Предмет исследования – влияние, которое такая деятельность оказывает на региональную безопасность в СВА, а также на национальный уровень отдельных стран. Использован *компаративистский метод*, позволивший сравнить ситуацию в различных странах региона, а также роль и влияние организованных преступных групп разных стран на общую ситуацию и состояние безопасности; метод логического анализа, который позволил проанализировать неоднозначные, противоречивые процессы, в частности на территории Японии, *историко-генетический метод*, позволивший проследить истоки современных процессов в этой сфере. Явление как организованной, так и транснациональной преступности не является принципиально новым. Однако с началом современных глобализационных процессов оно приобрело невиданные ранее масштабы, формы, последствия. Глобализация привела не только к позитивным сдвигам, открытым рынкам и появлению большого числа возможностей, но и сподвигла к целому ряду негативных аспектов. Огромное количество возможностей для развития и роста получили нелегальные формирования. И это нашло очень серьезное отражение в состоянии безопасности отдельных стран, а также с выходом на региональный и глобальный уровень

Ключевые слова: транснациональная преступность, Северо-Восточная Азия, Дальний Восток России, Китай, Япония, Республика Корея, региональная безопасность, национальная безопасность, глобализация, нелегальные формирования

This article is devoted to the problem of little studied, and at the same time, extremely relevant - the activities of transnational criminal groups in the countries of Northeast Asia and the territory of the Russian Far East. *The object of the study* is the activities of transnational criminal groups in Northeast Asia and the Russian Far East. *The subject of the study* is the impact that such activities have on regional security in Northeast Asia, as well as on the national level of individual countries. The author has used *the comparative method*, which allowed us to compare the situation in different countries of the region, as well as the role and influence of organized criminal groups of different countries on the overall situation and the state of security; the method of logical analysis, which allowed us to analyze ambiguous, contradictory processes, in particular on the territory of Japan; *the historical-genetic method*, which allowed us to trace the origins of modern processes in this sphere. As well as the impact that this activity has on regional security in Northeast Asia, as well as at the national level of individual countries. The phenomenon of organized crime and transnational crime is not fundamentally new. However, with the onset of modern globalization processes, it has acquired previously unprecedented scales, forms, and consequences. Globalization has led not to only positive developments, open markets and the emergence of a large number of opportunities, but also

to a number of negative aspects. Illegal formations received a huge number of opportunities for development and growth. Moreover, this has found a very serious reflection in the state of security of individual countries, as well as with access to the regional and global level

Key words: *transnational crime, Northeast Asia, Far East of Russia, China, Japan, Republic of Korea, regional security, national security, globalization, illegal formations*

Деятельность транснациональных преступных групп перестала быть лишь правовой проблемой. Активизировавшиеся после распада биполярной системы процессы глобализации привели к тому, что и для преступных групп барьеры для нелегальной деятельности стали незначительными. Срачивания преступных групп различных стран и регионов привели к тому, что из угроз социетальной безопасности отдельной страны транснациональная преступность создала угрозы региональной и глобальной безопасности. В Северо-Восточной Азии организованная преступность имеет глубокие корни, особенно в Японии и Республике Корея. В 1990-е гг. небывалый размах организованная преступность получила на российском Дальнем Востоке и в Китайской Народной Республике. И в это же время стали активно взаимодействовать преступные группы стран региона и Дальнего Востока РФ. Этот фактор стал угрозой национальной и региональной безопасности в СВА, что и предопределяет актуальность данной проблематики.

Степень научной разработанности. В российской и зарубежной науке есть работы, посвященные данной проблематике (А. Н. Сухаренко [8], В. А. Номоконова [5], Г. Ф. Маслова [4], И. Н. Баранника [1]), которые рассматривают российскую организованную преступность на Дальнем Востоке. А. А. Иванов [2] и С. Стокер [7] анализируют организованную преступность в Японии. Хэ Бинсун [9] представил анализ ситуации с организованной преступностью в Китае. Однако ни одна из работ не затрагивает проблему в контексте угроз безопасности, и в частности выход на транснациональный уровень, на региональную безопасность.

Методы исследования. Использован компаративистский метод, позволивший сравнивать ситуацию в различных странах региона, а также роль и влияние организованных преступных групп разных стран на общую ситуацию и состояние безопасности; метод логического анализа, который позволил проанализировать неоднозначные, противоречивые процессы, в частности на территории Японии, историко-ге-

нетический метод, позволивший проследить истоки современных процессов в этой сфере.

Для российского Дальнего Востока одним из главных факторов развития преступных формирований явилось наличие протяженной государственной границы: весь Дальний Восток – это сплошная граница со странами Северо-Восточной Азии и США. Открытие границ в конце 1980-х гг., формирование транснациональных связей, туристические потоки, финансовые операции, миграция способствовали деятельности организованной преступности. Использование международных связей стало стержневым фактором получения максимальной прибыли преступными группировками, что и привело к возникновению транснациональной преступности [10. С. 138–142].

На Дальнем Востоке самым крупным преступным сообществом является «Дальневосточный воровской общак». В «общак», по различным данным, в 1990–2000-е гг. входило более 100 различных преступных групп численностью 2000 человек. Это формирование является структурированным сообществом, с группировками по всему Дальнему Востоку. Самые крупные составные части дислоцировались в Хабаровске и Хабаровском крае, на Сахалине, Камчатке. В наименьшей степени под влиянием группировки находился Приморский край, где сформировались собственные преступные сообщества, работающие по своим правилам.

Основными направлениями деятельности «общака» стали автобизнес, наркобизнес, оружие; торговля женщинами и детьми; экспортно-импортные операции; аферы в кредитно-финансовой сфере; нелегальная миграция; фальшивые банкротства и т. д.

Кроме «общака», еще в 1980-е гг. на Дальнем Востоке на базе спортивных секций, обществ, которые специализировались на боевых видах спорта сформировались новые преступные формирования из числа спортсменов высокого класса, которые образовали самостоятельное преступное сообщество «спортивная мафия». Было не менее 15 преступных

групп общей численностью свыше 350 человек, большая часть из которых находилась в Хабаровском крае и соседних регионах (Биробиджан, Благовещенск) [4. С. 36].

Основной сферой деятельности спортивного сообщества стал рэкет и «охранные» услуги. Позже добавился игорный бизнес. Группировка легализовалась и стала активно проникать в теневую бизнес транснационального характера.

Кроме названных преступных формирований образовалось этническое преступное сообщество, состоящее из многочисленных группировок (представители кавказских и среднеазиатских национальностей: грузин, чеченцев, ингушей, дагестанцев, армян, таджиков, азербайджанцев), которые действовали изолированно друг от друга. Преступные группировки контактировали с диаспорами, получали от них поддержку, но в свою деятельность их обычно не вовлекали [5. С. 75–86].

Наиболее многочисленным (свыше ста человек) была группировка «Чеченское преступное сообщество». Ее подгруппы находились в Хабаровском, Приморском, Камчатском краях, в Еврейской автономной области. Большая часть сообщества дислоцировалась в г. Находка Приморского края. Они занимались оружием, наркотиками, хищением денежных средств в кредитно-финансовой сфере, промышленного золота. Создали свободную экономическую зону (СЭЗ). Федеральные бюджетные денежные средства проходили через банки Находки, учредителями которых были представители формирования. Огромные суммы бюджетных денег бесследно исчезли. После вмешательства правоохранительных органов скрывались и лидеры группировки [1. С. 73–83].

Особым влиянием на Дальнем Востоке пользовалось «азербайджанское преступное сообщество», которое до недавнего времени состояло из 21 группировки численностью более 200 человек. Они занимались незаконным оборотом спиртных напитков, наркотиков, цветных металлов и промышленного золота.

Существуют и зарубежные этнические организованные преступные группы, обосновавшиеся в России. Их членами являются иностранные граждане или лица без гражданства, преступная деятельность имеет транснациональный характер [8. С. 54–58]. Наиболее ощутимо присутствие китайской мафии, «триад», которые представляют собой гибкую сетевую систему, структура которой зависит от

вида преступной деятельности: предпочитают занятия контрабандой наркотиков, спирта, валюты, миграцией, продажей лиц китайского происхождения в рабство. Китайцы создают самостоятельные поселения, которые так или иначе связаны с «триадами».

На Дальнем Востоке России основным местом компактного проживания для китайцев стал г. Уссурийск Приморского края. Здесь «триады» сотрудничают с местными группировками, которые помогают им незаконно скупать металл, дикоросы и переправлять их через границу в Китай. Они же создают пассажирско-перевозочные фирмы, предоставляют склады для хранения товара, в том числе контрабандного; организуют бордели с русскими девушками. Все чаще китайцы стали входить в местные группировки для наводки на своих же соотечественников.

В Приморье действуют такие группировки из Китая, как «Ванцинская», «Янбенская», «Голова змеи» и «Рассерженная собака», «Волки». Последняя специализировалась на разбойных нападениях в России на граждан Китая – нелегалов, которым не выгодно обращаться в правоохранительные органы. Следы китайских «триад» обнаруживаются в Хабаровском крае [9. С. 54–58].

Японская «Якудза». Основные отличия не предвещают исключительных прав на географическую территорию как на зоны своего влияния. Они опираются на родственные связи как основу солидарности и не стремятся сохранять в тайне свое существование. Основными формами преступной деятельности японской мафии является нелегальный игорный бизнес, наркобизнес, проституция, вмешательство в финансово-экономическую работу предприятий путем вымогательства части прибыли за неразглашение незаконно полученной конфиденциальной информации; мошенничество со страховыми выплатами; вмешательство в финансово-коммерческую деятельность. Существует транснациональная связь дальневосточной преступности с «Якудза» [2. С. 35–39]. Их деятельность связана с незаконным выловом и контрабандой морепродуктов, торговлей оружием, транзитной миграцией населения в Японию через Россию и т. п. Такая деятельность под силу только международным преступным формированиям.

Корейская организованная преступность на Дальнем Востоке России представлена этническими преступными группировками из

Северной Кореи, переселенцами из среднеазиатских республик бывшего СССР, а также корейцами китайского происхождения. В целом действует «Корейское преступное сообщество», группировки из которого находятся в Приморском крае и Сахалинской области, в Хабаровском крае, на Камчатке. Общее количество насчитывается до полутора сотен человек, специализирующихся на наркотиках, валютных махинациях, миграции населения, автобизнесе, мошенничестве, проституции.

Таким образом, деятельность транснациональных преступных групп носит системный характер и является непосредственной угрозой экономической, социетальной, человеческой безопасности. В результате слаженных действий преступных группировок российского Дальнего Востока и стран Северо-Восточной Азии наносится колоссальный экономический ущерб всем странам, и РФ, в частности. Наркобизнес наносит значительный ущерб общественной безопасности, приводит к актуализации угроз эпидемиологической, демографической безопасности. Незаконные финансовые операции несут угрозы латентного финансирования международного терроризма, экстремистских группировок в различных частях земного шара.

Китай. Развитие организованной преступности в Китае связано с началом экономических реформ. Криминогенная обстановка в конце 1970-х гг. стала резко ухудшаться. В 1979 г. количество уголовных дел, возбужденных в Китае, составило 636222; в 1980 г. – 757104; в 1981 г. – 890281 дел. В последующие годы темпы снизились в результате борьбы с преступностью. Тяжелая обстановка создавалась в крупных и средних городах (особенно в Пекине, Тяньцзине и Шанхае). В 1979 г. проведено Всекитайское совещание по проблемам обеспечения общественного порядка в городах. В августе 1983 г. ЦК КПК принял постановление, направленное против резкого ухудшения общественного порядка (постановление № 31 за 1983 г.), где говорилось о разворачивании в стране беспощадной борьбы с уголовными элементами. В течение трех лет проведены три этапа борьбы, обезврежено 197 тыс. преступных групп численностью 876 тыс. участников.

Однако уже в 1989 г. зарегистрировано 1971901 преступление; в 1990 г. – 2216997. В 1989 г. обезврежено 97807 различных преступных групп, к 1990 г. преступность в Китае

трансформировалась в организованную преступность, для которой характерны следующие тенденции:

- 1) резкое повышение степени организации, большая сплоченность и стабильность;
- 2) расширение территориальной сферы деятельности, появление первых признаков транснациональной преступности;
- 3) расширение многообразия преступной деятельности;
- 4) повышение уровня насильственности преступлений;
- 5) накопление финансовых ресурсов преступных сообществ;
- 6) проникновение в органы власти, в первую очередь на местном уровне.

В 1990-е гг. отмечен стремительный рост преступных организаций, которые постепенно превращались в группировки транснационального характера, занимались наркоторговлей и торговлей оружием. У китайских группировок наладились связи с организациями подобного же рода в Гонконге, Тайване, Макао, Мьянме. Во второй половине 1990-х гг. отмечен рост преступлений с применением оружия, заказных убийств, проституция, оборот наркотиков, экономические преступления. На территории Китая растет и интенсивность деятельности зарубежных преступных групп. Так, мафиозные организации Гонконга («14к», «Хэшэнхэ»), Макао, Тайваня («Чжуляньбан» – бамбуковый союз, «Сыхайбан» – Союз четырех морей), японская «Якудза», южнокорейская «Гаошэн лицзе», английская «Чжунголун» (китайский дракон), американская «Фучжоу фэйлунбан» (Летящий дракон). Они распространили влияние из приморских городов на внутренние территории и провинции Китая, началась борьба за сферы влияния, контроль над самыми прибыльными отраслями преступного бизнеса. Зарубежные преступные группировки начали специализироваться на таких сферах, как незаконный транзит через границу, мошенничество и пиратство на море, контрабанда и незаконная торговля [9. С. 24-35].

С началом нового века ситуация продолжала ухудшаться. Произошла следующая трансформация преступных группировок Китая:

- 1) укрепилась внутренняя организация, сплоченность, внутренние корпоративные связи (наличие Устава, церемониала и т. д.);
- 2) дифференциация форм организации – появление организаций разного типа: орбитального типа с главарем в качестве ядра, с

пирамидальной структурой, организации с внутренними правилами и без них, организации, ориентирующие на насильственные виды преступлений и организации, имеющие в качестве прикрытия легальные экономические формы;

3) рост масштабов организаций;

4) непрерывное углубление насильственного характера преступной деятельности преступных сообществ;

5) проникновение преступных организаций в легальные секторы экономики, значительный рост их финансовой мощи и влияния;

6) проникновение в сферу политики, сращивание мафии и власти становится все более очевидным и вопиющим (кадровые партийные работники ищут помощи у мафии, руководители преступных сообществ принимают участие в назначении на ключевые должности, отдельные высокопоставленные чиновники «крышуют» преступные сообщества);

7) сфера влияния преступных сообществ непрерывно растет. В некоторых отраслях и регионах преступные организации оказались сильнее государственной власти и общественных структур.

К рубежу веков в Китае произошло слияние и взаимопроникновение, взаимообогащение местных и зарубежных преступных групп, которые в совокупности своей незаконной деятельности можно назвать транснациональной преступностью.

Япония. Организованная преступность в Японии считается относительно легальной. Наиболее часто встречающееся название таковой – «Якудза». Она контролирует быт и культуру, бизнес и политику, экономику и другие сферы Страны Восходящего солнца, она проникла и в органы власти, в наиболее влиятельные корпоративные структуры. Цель преступных сообществ Японии – получение максимальной прибыли путем увеличения своего влияния, уничтожение соперников и конкурентов. Полулегальный статус преступных сообществ дает возможность власти держать ситуацию под относительным контролем.

Впервые об организованной преступности в Японии заговорили еще в середине XVII в. Тогда появились три группы полукриминальных сообществ: городские стражи – мати-ёкко, торговцы- тэкияи, профессиональные картежники – бакуто (именно у бакуто впервые появился ритуал, означающий признание вины – отрезание фаланги пальца, чаще ми-

зинца). Большинство членов группировок были людьми бедными, они организовывались в группы, которые занимались грабежами и игорным бизнесом. В середине XIX в., с началом периода реставрации Мэйдзи и при переходе к индустриальному обществу и капитализму, такие преступные группы начали контролировать большинство строительных работ, а также рынок труда. В начале XX в. организованная преступность проникла во все сферы жизни общества. Самый интенсивный рост преступности был вызван поражением Японии во второй мировой войне. Жесткий экономический кризис, кризис власти, подавленность общества, безработица привели к расцвету черного рынка. Безработные и репатрианты стали базой преступных сообществ. С 1958 по 1963 г. численность членов группировок якудза выросла до 184 тыс. человек (5 200 групп) [4]. К середине 1980-х г. страну захлестнула наркомания. Из 3 т ежегодно поставляемых в страну наркотиков полиция удавалось обнаружить не более 150 кг (5 %). Ежегодно полиция задерживала не менее 20 тыс. человек, распространяющих наркотики. Прибыль в эти годы достигала 5 000 %.

В 1990-х г. численность якудза стала сокращаться, при этом именно члены преступных групп совершали 30 % убийств, 20 % изнасилований, 27 % нападений и причинения ущерба.

В этот период «Якудза» включилась в систему транснациональной преступности, и вместе с зарубежными организациями начала нелегальный ввоз в страну иностранной рабочей силы, наладила контакты с российскими группировками в сфере торговли оружием, биоресурсами и автомобилями, налаживает криминальные связи в Азии и Европе с целью увеличения прибыли торговли людьми на сексуальный рынок Японии [7. С. 34–41].

В это же время окончательно сформировалось ядро организованной преступности, три главных клана: «Ямагучи-гуми» (около 40 тыс., или 45 % всех якудза), базирующийся в г. Кобе; «Сумиёси-рэнго» (около 10 тыс.); «Инагава-кай» (около 9 тыс.), базирующиеся в Токио и Иокогаме. Всего насчитывалось около 85 тыс. членов преступных формирований, действующих почти во всех префектурах и на всех криминальных рынках страны.

В связи с расширением нелегального бизнеса «Якудза» с группировками из других стран в 1999 г. принято три специальных зако-

на, ужесточивших ответственность в том числе и за «отмывание денег» и консалтинговые услуги по поддержке деятельности «Якудза». Возросло число арестов, стала более жесткой практика привлечения их к ответственности, расширилась практика конфискации доходов от преступной деятельности организованных преступных групп. Если в 2004 г., сумма конфискованных средств составляла 2 млрд иен, то к 2010 г. она выросла до 5 млрд иен.

В 2000 г. Японский парламент принял ряд дополнений в законодательную базу об организованной преступности, в частности Acton Punishment of Organized Crime and Acton Control of Crime Proceeds. Эти дополнения стали составной частью, базового закона Японии Anti-Organized Crime Act, принятого еще в 1991 г.

Однако борьба с организованной и транснациональной преступностью в Японии сталкивается с рядом сложностей, причинами которых являются:

1) понятие «организованная преступная группа» на законодательном уровне имеет существенный изъян. Она ограничена такой дефиницией, как «совершающая насильственные действия». И такое узкое толкование, в силу изложенных обстоятельств, скорее всего, сделано не случайно. Кроме того, на законодательном уровне не выделена отдельно ответственность за организацию и руководство преступным сообществом;

2) подкуп полицейских, коррупция, связи с органами власти;

3) отсутствие эффективной программы защиты свидетелей;

4) преступные формирования Японии являются спонсорами правящих партий. Например, в 2007 г. Демократическая партия Японии за два года до прихода к власти получила одобрение и гарантию поддержки от «Ямагучи-гуми» и «Инагава-каи» [3. С. 159–165].

В октябре 2011 г. установлена уголовная ответственность за связи с преступными сообществами. Тем не менее, в 2012–2018 гг. каждая пятая компания платила дань «Якудза».

Современная организованная и транснациональная преступность в Японии является сформировавшимся специфическим социальным классом, адаптированным во всех сферах общества. За более чем трехвековое существование «Якудза» стали частью консервативных традиций Страны Восходящего солнца.

Преступные группировки пользуются такой ситуацией и периодически демонстрируют

патриотизм, лояльность японскому обществу. Так было после землетрясений в Кобе в 1995 г. и аварии на АЭС «Фукусима» в 2011 г. Организованные преступные группы демонстративно помогали одеждой и питанием тем, кто остался без крова и средств к существованию. Так, «Ямагучи» осуществили поставку более чем 40 т гуманитарного груза.

Республика Корея. Японские преступные группировки поспособствовали созданию таковых в Корее.

С 2000-х гг. в Республике Корея осуществляют деятельность три основные группировки: «Ссан Ён Пха» (쌍용파, «Группа Двойной Дракон»), «Чиль Сон Пха» (칠성파, «Группа Семи Звезд»), «Хван Сон Сан Пха» (환송성파, «Группа Хван Сон Сан»); каждая включает множество мелких подразделений, многие из них не связаны между собой, что затрудняет борьбу с ними.

«Ссан Ён Пха» является самой известной группировкой в Корее. Ее деятельность в криминальном мире в конце 90-х–начале 2000-х была практически незаметна, но уже в 2005 г. «Ссан Ён Пха» заявила о себе, разгромив несколько ночных клубов и бизнес-центров. Основная зона влияния группировки – Кванджу, являющийся шестым по величине городом в Южной Корее.

«Чиль Сон Пха» – самая крупная из трех группировок, ее методы схожи с методами «Якудза», однако действуют они более скрытно.

«Хван Сон Сан Пха» обладает обширными международными связями, взаимодействуя с криминальными организациями из США, Японии, Китая, Мексики, Бразилии, России. Она стала примером транснациональной преступной деятельности, являющейся угрозой региональной безопасности. Зона влияния в Корее – это города Сувон и Гунсан.

Существование в Южной Корее организованных преступных группировок для населения страны остается внешне незаметным. Корейское правительство успешно сдерживает их деятельность. Легально работающие фирмы не имеют дел с криминальными структурами, и те, в свою очередь, не претендуют на легальный бизнес. В ведении преступных групп находятся нелегальные сферы деятельности, такие как формально запрещенные проституция или игорный бизнес. В целом виды деятельности, в которые вовлечены преступные организации в Корее, сходны с деятель-

ностью преступных организаций других стран: азартные игры, выбивание долгов, проституция, рэкет, строительный бизнес, торговля наркотиками, транснациональная преступная деятельность.

За пределами Республики Корея деятельность преступных организаций, созданных корейцами, более известна. В Японии проживает около 700 000 человек корейского происхождения, многие из них живут здесь десятилетиями, однако не считаются ее подданными и никак не ассимилируются. Они формируют основную социальную базу отдельных преступных групп Японии, позволяя устанавливать контакты за рубежом – в Южной Корее, США, Китае, России. В 1988 г. создан альянс между преступными формированиями Южной Кореи и Японии. Помимо азартного бизнеса, корейские криминальные группировки, действующие в разных странах региона, вовлечены в контрабанду иностранной валюты, вымогательство, грабежи, наркоторговля [6].

Значительную роль в противодействии организованной и транснациональной преступности играет южнокорейское законодательство. Согласно закону о наказании за организованную преступность, если преступление совершает член организованного преступного формирования, размер наказания может быть увеличен наполовину по сравнению с обычным преступником. Для борьбы с отмыванием денег, полученных незаконным путем, с 1993 г. граждане страны могут проводить финансовые операции только от своего имени. А в 1995 г. вступил в силу акт по предотвращению незаконной торговли наркотиками, который предусматривает конфискацию дохода и собственности, полученных в результате деятельности, связанной с наркобизнесом.

Согласно корейскому законодательству, принадлежность к преступной группе уже является преступлением. С 2000 г. действует закон о защите свидетелей. Он предусматривает обеспечение полной конфиденциальности в рамках судебного процесса, а также покрывает все расходы на переезд, новую работу, а также все необходимые меры безопасности.

Заключение. Таким образом, необходимо отметить, что деятельность транснациональных преступных групп не является принципиально новым явлением. Она имеет глубокие исторические корни. В первую очередь в Японии, где таковые стали частью традиций и обычаев, в республике Корея после получения

независимости и образования двух корейских государств, в Китае после начала политики открытости и проведения экономических реформ, на Дальнем Востоке России, еще начиная с XIX в. Нередкими были транснациональные связи: корейская диаспора в японской «Якудза», китайские «триады» на российском Дальнем Востоке, Тайвань и Гонконг в Китае, корейские организации в Китае и странах Юго-Восточной Азии.

Однако с началом современных глобализационных трендов существенно изменился характер транснациональной преступности, в том числе и в регионе Северо-Восточная Азия. Глобализация несет в себе не только возможности и перспективы развития, но и значительные угрозы безопасности на всех уровнях. Если для легальных форм сотрудничества и взаимодействия по-прежнему существуют ограничения, для незаконной и нелегальной деятельности границ практически нет. Глобальный мир – идеальное место для развития и процветания транснациональной преступности, которая несет в себе угрозы для региональной безопасности в Северо-Восточной Азии. Серьезную озабоченность вызывает наркоторговля, масштабы которой сложно представить. Синтетические наркотики, наводнившие Восточную Азию и Российский Дальний Восток, наркотики растительного происхождения, которые в азиатские страны идут с Дальнего Востока, приводят к обогащению криминальных структур и к ухудшению ситуации в сфере биологической, человеческой, экономической безопасности стран региона. Незаконная торговля биоресурсами, торговля оружием, людьми, сутенерство и проституция, незаконные финансовые операции – все это подрывает экономическую ситуацию, приводит к росту угроз и рисков. Сплоченность криминальных структур Японии, Китая, Республики Корея, российского Дальнего Востока в вопросе осуществления криминальной деятельности с целью получения максимальной прибыли подрывает экономические возможности процветания региона, предотвращения экономических кризисов, приводит к возможности финансирования экстремистских и террористических группировок, появлению финансово, экономически и политически мощных нелегальных, теневых криминальных структур, осуществляющих лоббирование своих интересов на разных уровнях. Все это актуализирует угрозы, которые в совокупности могут

привести к угрозе стабильного существования государств и обществ. Даже в условиях жесткой международной конфронтации между западными странами и Россией необходимо

слаженное взаимодействие между странами Северо-Восточной Азии и Россией по борьбе с транснациональной преступностью и минимизацией угроз, связанной с ней.

Список литературы

1. Баранник И. Н. Влияние миграционной преступности на криминогенную обстановку российского Дальнего Востока // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2013. № 1. С. 73–83
2. Иванов А. А. Организованная преступность и борьба с ней в Японии. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2000. 169 с.
3. Коробеев А. И., Морозов Н. А. Особенности современной организованной преступности в Японии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 3. С. 159–165
4. Маслов Г. Ф. Особенности организованной преступности и противодействие ей в условиях Дальневосточного региона: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Хабаровск, 1997. 166 с.
5. Номоконов В. А., Маслов Г. Ф. Организованная преступность в дальневосточном регионе: острая ситуация // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 4. С. 75–86.
6. Организованная преступность на Корейском полуострове: [сайт]. URL: <https://maxpark.com/community/1456/content/1660356> (дата обращения: 21.08.2022). Текст: электронный.
7. Стокер С. Японская организованная преступность: содействие торговле людьми в крупных масштабах // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2008. № 2. С. 34–41.
8. Сухаренко А. Н. Организованная преступность дальнего востока: состояние и меры борьбы // Региональные проблемы. 2016. Т. 19, № 1. С. 54–58.
9. Хэ Бинсун. Организованная преступность. Исследование преступности мафиозного характера в континентальном Китае. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-а, 2005. С. 24–35.
10. Шалагин А. Е. Транснациональная преступность: понятие, признаки, меры противодействия // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 3. С. 138–142.

References

1. Barannik I. N. *Tamozhennaya politika Rossii na Dalnem Vostoke* (Customs policy of Russia in the Far East), 2013, no.1, pp. 73–83.
2. Ivanov A. A. *Organizovannaya prestupnost i borba s ney v Yaponii* (Organized crime and the fight against it in Japan). Vladivostok: Far Eastern University Press, 2000. 169 p.
3. Korobeev A. I., Morozov N. A. *Kriminologicheskij zhurnal Baykalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* (Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law), 2013, no. 3, pp. 159–165.
4. Maslov G. F. *Osobennosti organizovannoy prestupnosti i protivodeystvie ey v usloviyah Dalnevostochnogo regiona* (Features of organized crime and its counteraction in the conditions of the Far Eastern region). Khabarovsk, 1997. 166 p.
5. Nomokonov V. A., Maslov G. F. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra* (Criminology: yesterday, today, tomorrow), 2012, no. 4, pp. 75–86.
6. *Organizovannaya prestupnost na Koreyskom poluostrove* (Organized crime on the Korean Peninsula). Available at: <https://maxpark.com/community/1456/content/1660356> (date of access: 21.08.2022). Text: electronic.
7. Stoker S. *Kriminologicheskij zhurnal Baykalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* (Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law), 2008, no. 2, pp. 34–41.
8. Suharenko A. N. *Regionalnye problem* (Regional problems), 2016, vol. 19, no. 1, pp. 54–58.
9. Xhe Binsun. *Organizovannaya prestupnost. Issledovanie prestupnosti mafioznogo haraktera v kontinentalnom Kitae* (Organized crime. Investigation of mafia-type crime in mainland China). Vladivostok: Far Eastern University Press, 2005. Pp. 24–35.
10. Shalagin A. E. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* (Bulletin of Economics, Law and Sociology), 2016, no. 3, pp. 138–142.

Информация об авторе**Information about the author**

Гамерман Евгений Вячеславович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН, г. Благовещенск, Россия. Область научных интересов: политические аспекты экономической безопасности в Северо-Восточной Азии, военная безопасность, миграция, теория безопасности
egamerman@mail.ru

Evgeniy Gamerman, candidate of historical sciences, senior researcher, Institute for Complex Analysis of Regional Problems, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Blagoveshchensk, Russia. Scientific interests: political aspects of economic security in Northeast Asia, military security, migration, security theory

Для цитирования

Гамерман Е. В. Транснациональная преступность на российском Дальнем Востоке и в странах Северо-Восточной Азии в контексте региональной и национальной безопасности // Вестник Забайкальского государственного университета. 2022. Т. 28, № 7. С. 69–77. DOI: 10.21209/2227-9245-2022-28-7-69-77.

Gamerman E. Transnational Crime in the Russian Far East and Northeast Asia in the Context of Regional and National Security // Transbaikal State University Journal, 2022, vol. 28, no. 7, pp. 69–77. DOI: 10.21209/2227-9245-2022-28-7-69-77.

Статья поступила в редакцию: 31.08.2022 г.
Статья принята к публикации: 16.09.2022 г.